

ГРЭМ ГРИН

ТИХИЙ АМЕРИКАНЕЦ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г85

Серия «Эксклюзивная классика»

Graham Greene

THE QUIET AMERICAN

Перевод с английского *А. Кабалкина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается при содействии литературных агентств
David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Грин, Грэм.

Г85 Тихий американец : [роман] / Грэм Грин ; [пер. с англ. А. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-114968-0

Идея романа «Тихий американец» появилась у Грэма Грина после того, как он побывал в Индокитае в качестве военного корреспондента лондонской «Таймс». Выход книги спровоцировал скандал, а Грина окрестили «самым антиамериканским писателем». Но время все расставило на свои места: роман стал признанной классикой, а название его и вовсе стало нарицательным для американских политиков, силой насаждающих западные ценности в странах третьего мира.

Вьетнам начала 50-х годов XX века, Сайгон. Жемчужина Юго-Восточной Азии, колониальный рай, объятый пламенем войны. Сюда со всех частей света слетелись «ястребы» в надежде отхватить лакомый кусок. На фоне жестких циничных политиканов выделяется наивный юноша — «тихий американец» Олден Пайл, мечтающий нести добро и свет демократии по всему миру. Однако... кто же это сказал: «бойтесь данайцев, дары приносящих...»?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Graham Greene, 1955, 1973
© Перевод. А. Кабалкин, 2016

ISBN 978-5-17-114968-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Дорогие Ренэ и Фуонг!

Я попросил разрешения посвятить эту книгу вам не только в память о счастливых вечерах, которые проводил с вами в Сайгоне последние пять лет, но и потому, что бессовестно позаимствовал адрес вашей квартиры, чтобы поселить там одного из моих героев, а еще ваше имя, Фуонг, ради удобства читателей, — ведь оно простое, красивое и легко произносится в отличие от многих имен ваших соотечественниц. Как вы оба увидите, этим заимствования почти исчерпываются, к ним никак не относятся персонажи, действующие во Вьетнаме. За образами Пайла, Грэнджера, Фаулера, Виго, Джо не скрывались реальные люди в Сайгоне или Ханое, а генерал Тхе мертв: говорят, его убили выстрелом в спину. Даже исторические события как минимум один раз поменялись местами. Например, большой взрыв у «Континенталя» произошел до взрывов велосипедных бомб, а не наоборот. Такие мелкие изменения меня не смущают. Это не исторический труд, а повесть о вымышленных людях, и, надеюсь, она поможет вам обоим скоротать жаркий сайгонский вечер.

Любящий вас
Грэм Грин

«Я не люблю тревог: тогда проснется воля,
А действовать опаснее всего; я трепещу при мысли
Стать фальшивым, сердечную обиду нанести
иль беззаконье совершить —
Все наши представления о долге так ужасны
и нас толкают на поступки эти»*.

Артур Клаф

«К спасенью душ и умерщвлению плоти,
Благую цель преследуя притом,
В наш век — вы сотни способов найдете».

Байрон

---

* Пер. Е. М. Гольшевой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

После ужина я ждал Пайла у себя на улице Катина. Он сказал: «Я буду у вас не позднее десяти». Когда наступила полночь, я не усидел и спустился на улицу. На лестничной площадке собрались старухи в черных штанах; был февраль, и им, наверное, надоело ворочаться в постелях в жару. В сторону реки медленно ехал велорикша; там, где разгружали новые американские самолеты, горели прожекторы. Пайла на всей длинной улице не оказалось.

Конечно, сказал я себе, что-то могло задержать его в американском представительстве, но в таком случае он обязательно позвонил бы в ресторан — Пайл был очень щепетилен по части соблюдения приличий. Я уже хотел вернуться, когда увидел у соседней двери девушку. Лица не различил, только белые шелковые шаровары и длинное цветастое платье, но все равно узнал ее. Она часто ждала моего возвращения именно в этом месте, в этот час.

— Фуонг, — произнес я. Это значит Феникс, но в наше время со сказками покончено, ничто

уже не восстает из праха. Она еще ничего не успела сказать, но я догадался, что Фуонг тоже ждет Пайла. — Его нет.

— Je sais. Je t'ai vu seul a la fenetre*.

— Если хочешь, можешь подняться, — предложил я. — Он скоро придет.

— Я подожду здесь.

— Лучше не надо. Тебя может забрать полиция.

Она пошла за мной наверх. Я перебирал в голове разные остроты и грубости, но Фуонг недостаточно знала английский и французский, чтобы понять иронию, да и мне, как ни странно, не хотелось делать больно ей и даже себе. Мы поднялись на лестничную площадку, и все старухи повернули к нам головы, а когда мы мимо них прошли, их голоса стали звучать громче, будто они хором затянули песню.

— О чем они говорят?

— Они думают, что я вернулась домой.

Деревце, которое я поставил у себя в комнате несколько недель назад в честь китайского Нового года, уже сбросило пожелтевшие листья, застрявшие теперь между клавишами пишущей машинки. Я стал вынимать их.

— Tu es troublé?*** — спросила Фуонг.

— Это на него не похоже. Он такой пунктуальный.

---

* Знаю. Я видела тебя в окне одного (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

** Ты волнуешься? (фр.)

Я снял галстук, разулся и растянулся на кровати. Фуонг зажгла газовую горелку и стала кипятить воду для чая. Прошедших шести месяцев как не бывало.

— Он говорит, ты скоро уедешь, — сказала она.

— Возможно.

— Он очень любит тебя.

— Спасибо ему — вот только за что? — пробурчал я.

Я видел, что Фуонг изменила прическу — теперь прямые черные волосы свободно падали на плечи. Я вспомнил, как однажды Пайл раскритиковал ее прежнюю прическу, которую, по ее мнению, полагалось носить дочери мандарина. Я зажмурился, и Фуонг снова стала прежней: шипением пара, звоном фарфора, заветным временем в ночи и обещанием покоя.

— Он скоро придет, — произнесла она, словно мне в его отсутствие требовалось утешение.

Я прикинул, о чем они могли разговаривать. Пайл был сама откровенность, он донимал меня своими лекциями о Дальнем Востоке, с которым был знаком столько же месяцев, сколько я — лет. Другой его темой являлась демократия: у него были четкие и раздражающие представления о том, что делают Соединенные Штаты ради остального мира. Зато Фуонг была восхитительно невежественна; если бы в разговоре упомянули Гитлера, она бы спросила, кто это. Объяснить ей это было бы тем более трудно, что Фуонг никогда не

встречала ни немцев, ни поляков и имела самое смутное представление о европейской географии, хотя о принцессе Маргарет знала, понятное дело, больше, чем я. Я услышал, как она ставит поднос на край кровати.

— Он все еще тебя любит, Фуонг?

Вьетнамка у вас в постели сродни пташке: так же щебечет и заливается на вашей подушке. В свое время я думал, что ни одно пернатое не сравнится голосом с Фуонг. Я вытянул руку и дотронулся до ее локтя. Косточки у нее тоже были хрупкие, как у птички.

— Любит, Фуонг?

Она рассмеялась, я услышал, как она чиркает спичкой.

— Любит?

Возможно, это было одно из непонятных для нее слов.

— Сделать тебе трубку? — предложила она.

Когда я открыл глаза, Фуонг зажгла лампу. В свете лампы ее кожа напоминала цветом темный янтарь; она наклонилась над пламенем и сосредоточенно морщила лоб, грея опиумную пасту и вращая иглу.

— Пайл по-прежнему не курит? — спросил я.

— Нет.

— Ты бы его заставила, а то он не вернется.

У них было суеверие, что любовник, курящий опиум, обязательно вернется, даже из Франции. Пусть опиум влияет на мужскую силу, они всегда

предпочтут верного любовника могучему. Сейчас Фуонг разминала шарик горячей пасты на отогнутой кромке чаши, и я вдыхал запах опиума. Другого такого запаха нет. Часы-будильник у моей кровати показывали 0.20, но я уже расслабился. Лампа осветила лицо Фуонг, когда она протянула мне длинную трубку, наклонившись над ней с серьезной сосредоточенностью, как над ребенком. Я был привязан к своей трубке: более двух футов прямого бамбука, с обоих концов слоновая кость. В двух третях длины трубки от меня находилась чаша, этакий повернутый кверху цветок вьюнка с отполированной и потемневшей от частого разминания опиума отогнутой кромкой. Легким движением она погрузила иглу в крохотное отверстие, извлекла опиум и расположила чашу над огнем, поддерживая для меня трубку. Бусина опиума тихонько пузырилась, а я вдыхал.

Опытный курильщик выкуривает целую трубку в один присест, мне же всегда требовалось несколько затяжек. Потом я откинулся затылком на кожаную подушечку, а она стала готовить вторую трубку.

— Пойми, это же ясно, как день, — произнес я. — Пайл знает, что перед сном я выкуриваю несколько трубок, и не хочет меня беспокоить. Утром он будет здесь.

Игла опять вошла внутрь, и я закурил вторую трубку. Отложив ее, я продолжил:

— Тревожиться не о чем. Совершенно не о чем. — Я отхлебнул чаю и задержал руку у Фуонг под мышкой. — Когда ты ушла, у меня осталось по крайней мере это. На улице д'Ормэ есть хорошая курильня. Сколько хлопот устраиваем мы, европейцы, на пустом месте. Напрасно ты живешь с мужчиной, который не курит.

— Но он собирается жениться на мне, — возразила она. — Уже скоро.

— Тогда, конечно, другое дело.

— Сделать тебе еще одну трубку?

— Да.

Я гадал, согласится ли Фуонг спать со мной этой ночью, если Пайл так и не придет, хотя знал, что после четырех трубок сам ее не захочу. Приятно было бы, спору нет, чувствовать рядом в постели бедро Фуонг — она всегда спала на спине — и, проснувшись утром, начать день с трубки, а не в одиночестве.

— Пайл уже не придет, — сказал я. — Останься, Фуонг.

Она протянула мне готовую трубку и покачала головой. Когда я выкурю и эту, меня перестанет волновать, осталась Фуонг или ушла.

— Почему Пайл не пришел? — спросила она.

— Откуда мне знать?

— Он ездил к генералу Тхе?

— Понятия не имею.

— Пайл сказал мне, что если не сможет поужинать с тобой, то не придет.

— Не переживай. Он придет. Сделай мне еще трубочку. — Когда она склонилась над пламенем, я вспомнил стихотворение Бодлера:

«Голубка моя...
Умчимся в края,
Где все, как и ты, совершенство...
Взгляни на канал,
Где флот задремал...»

Я подумал, что если понюхать ее кожу, то у нее будет легкий аромат опиума, а цветом она будет как вот тот огонек... Я любовался, как распускаются цветы с платья, она была бесхитростна, как травинка, и мне очень не хотелось домой, в Англию.

— Жаль, что я не Пайл, — сказал я, но боль была ограниченной и терпимой — хвала опиуму. В дверь постучали.

— Это Пайл! — воскликнула Фуонг.

— Нет, он стучит не так.

Стук повторился, теперь нетерпеливо. Она вскочила, толкнув желтое деревце, и оно опять осыпало мою пишущую машинку своими лепестками. Дверь открылась.

— Мсье Фаулер! — раздался властный голос.

— Я Фаулер, — отозвался я, не собираясь вставать ради полицейского. Шорты цвета хаки мне были видны, даже если не поднимать головы.

Он объяснил на еле понятном вьетнамском французском, что мне надлежит немедленно — сразу, быстро! — явиться в Сюрте*.

---

* Полиция безопасности (*фр.*).

— Какая Сюрте — французская, вьетнамская?
— Французская. — У него прозвучало «франсунг».

— Зачем?

Этого он не знал: приказ был меня доставить.

— Тоi aussi*.

— Обращайтесь к даме на «вы», — сказал я. —
Как вы узнали, что она здесь?

Он повторил, что у него приказ.

— Я приду утром.

— Нет, сейчас.

Спорить с этим мелким упрямым было бесполезно. Я встал, надел галстук и обулся. За полицией здесь оставалось последнее слово: она могла лишить меня пропуска, перестать пускать на пресс-конференции, даже отказать мне при желании в праве выезда. И это еще меры в рамках закона, хотя в воюющей стране законность была не на высоте. Я знал человека, внезапно, необъяснимым образом лишившегося своего повара. Он добрался по его следам до вьетнамской Сюрте, но там его заверили, что повара допросили и отпустили. Родные больше его не видели. То ли он сбежал к коммунистам, то ли вступил в одну из частных армий, кишевших вокруг Сайгона, — хоа-хао, Каодай, генерала Тхе, то ли угодил во французскую тюрьму. Возможно, преспокойно зарабатывал на девочках

---

* Ты тоже (фр.).

в Чолоне — китайском пригороде. Или сердце не выдержало на допросе.

— Пешком не пойду, — предупредил я. — Оплатите мне рикшу. — Надо же как-то поддерживать свое достоинство.

По той же причине я отказался от сигареты, предложенной французским офицером в Сюрте. После трех трубок у меня в голове было кристально ясно, мозг мог легко принимать решения, не упуская из виду главный вопрос — чего им от меня надо? Мне случалось несколько раз встречать Виго в гостях — я обратил на него внимание, потому что он выглядел нелепо влюбленным в собственную жену — игнорировавшую его, вульгарную ненатуральную блондинку. Сейчас, в два часа ночи, Виго сидел, усталый и унылый, в сигаретном дыму, в гнетущей жаре, в зеленых очках на носу и с открытым томиком Паскаля на столе, позволявшим скоротать время. Когда я запретил допрашивать Фуонг без меня, он сразу сдал назад со вздохом, в котором слышалась усталость не то от Сайгона, не то от жары, не то от всего человечества.

— Простите, что пришлось попросить вас прийти, — сказал он по-английски.

— Это была не просьба, а приказ.

— Ох уж эти местные полицейские — они не понимают... — Виго не отрывал взгляда от «Мыслей», словно был пленен этой невеселой логикой. — Я хотел задать вам пару вопросов — о Пайле.